

ГЛАВА 1

Татьянин день

Этого человека привела Кристина.

С него-то все и началось.

Пожалуй, именно от нашей малютки я всегда безотчетно ждала какой-то выходки. Не от Варвары, и уж, конечно, не от Ильи.

Когда они появились, все были в сборе. Дети носились среди отцветающих флоксов, не слыша увещаний дедушки. Люся сидела в кресле-качалке на веранде и безмятежно улыбалась, подставляя лицо солнцу.

Естественно, мы все были там. Где еще мы могли находиться днем в воскресенье! Лишь тяжелая болезнь или смерть могли бы послужить причиной отсутствия на *семейном обеде мамы Ули*.

Сама Ульяна Степановна, потная, разгоряченная, выносила на веранду блюда. Щеки ее пунцовы. В вырезе халата на хлипкой нитке болтается перламутровая пуговка. Никакие пуговицы не в силах удержать напор по-мухински крепкой, могучей, словно бы железобетонной плоти.

Однажды Виктор Петрович сделал ей замечание: «Уленька, надо бы как-то прикрыться. Очень у тебя отчаянное... э-э-э... декольте».

Ульяна выпрямилась. Пуговица с треском отлетела в лоб садовому гному. Гном упал, пораженный насмерть.

«Я этой грудью троих выкормила, — с благородным негодованием начала она. — А ты ее стыдишься?»

Виктор Петрович почувствовал в ее логике изъян, но не успел возразить. «Не думала, что меня этим станут попрекать! — продолжала Ульяна, добавляя в голос муки. — Дожила! Дожила-а-а!..»

Я ждала, что она заголосит, как Надюха в фильме «Любовь и голуби», — момент был подходящий, а моя свекровь остро чувствует драматургический потенциал фазы. Но она просто обхватила голову руками и принялась раскачиваться: незаслуженно униженная мать, оскорбленная жена.

Виктор Петрович покаялся, и больше к теме приличий не возвращались.

Я стала раскладывать вилки.

— Ровнее клади, — одернула свекровь. — Что мечешь, как на цыганский стол!

По моей сервировке можно калибровать линейку. Но я без возражений сдвигаю пару вилок под ее неодобрительным взглядом. Лицо у меня ничего не выражает, да и в душе я спокойна. Прошли те времена, когда я давала ей отпор.

Лишь одно я отстояла — право не называть ее мамой Улей. Здесь была точка невозврата. Я застыла намертво в этой точке, и язык у меня скорее отсох бы, чем повернулся сказать женщине с железными грудями «мама».

Ульяна замечает мужа с кастрюлей супа в руках и преображается:

— Витенька!.. Ну зачем ты сам! Это не мужское занятие!..

Она воркует. Она вытягивает губы трубочкой. Она вся преисполнена нежного укора — медведица, обихаживающая своего супруга, повелителя лесов и рек, ловца сверкающих лососей.

— Уленька! Я не могу позволить тебе носить тяжести! — блеет Виктор Петрович. — Настоящий мужчина должен...

Продолжение я пропускаю мимо ушей.

Мой свекор набит штампами, как сочинение девятиклассника, скачанное из Сети. Не припомню, чтобы он произнес что-то свежее, пусть не умное, но хотя бы свое. Даже не слыша, о чем он вещает, могу с уверенностью сказать, что в его речи упоминаются дерево, сын и баня. Он действительно возвел ее сам и, подозреваю, гордится ею больше, чем сыном.

Виктор Петрович оборвал тираду на полуслове и устался на калитку. Лицо у него вытянулось. Я проследила за направлением его взгляда и увидела нашего гостя.

У меня сорвалось изумленное восклицание.

Кристина предупредила, что приведет к обеду бойфренда. Я ожидала, что это будет один из ее типичных кавалеров: самоуверенный говорливый мальчик в куцых брючках.

Но человек, вошедший в сад Харламовых, был другим.

Взрослый. За сорок.

Огромный. Сперва мне подумалось, что гигантом наш гость выглядит лишь на контрасте с хрупкой Кристиной, но когда он приблизился, оказалось, что даже высокий Илья едва достаёт ему до уха.

Тяжелая челюсть. Взгляд исподлобья, оценивающий, неприятно пристальный. Словно это мы вломились к нему непрошеными гостями, и теперь он размышляет, что с нами делать.

Святые небеса, в какой воинственной галактике Кристина его отыскала?

— Мама, папа, познакомьтесь: это мой Сережа! — прощепетала девушка.

Ульяна вспомнила, наконец, о своем долге, приветственно протянула руки к гостю и спустилась с веранды.

— Зовите меня мама Уля, — пролепетала она.

С крупными мужчинами свекровь всегда поначалу берет этот тон — лепетание, колыхание и трепет, — словно девица на выданье, встретившая вдового генерала.

— Рад познакомиться, Ульяна Степановна, — невозмутимо сказал «мой Сережа».

И этим сразу завоевал мою симпатию. Нет, я по-прежнему относилась к нему настороженно, но то, с какой легкостью он отверг притязания на задушевность, внушало уважение.

Ульяна безропотно приняла его отказ.

— Кхе-кхе... Виктор Петрович! — Харламов-старший выпрямился, попытался втянуть живот и придать лицу строгость: папаша, озабоченный тем, что юная дочь привела в дом мужчину, годящегося ей в отцы.

— Папа, ты прямо как на плацу! — фыркнула Кристина. — Да расслабьтесь вы все! Сережа не кусается!

— Григорий Павлович Богун, жених Варвары, водитель-экспедитор, — отрекомендовался Гриша. Я давно заметила, что он всегда представляется полным именем и профессией. Странная привычка в наше время имен без отчеств.

— Илья. — Мой муж улыбнулся гостю и от души потряс его руку. — Ого, вот это хватка!

— Непроизвольно, простите...

— Ну, кого Кристина притащила на этот раз? — На пороге показалась Варвара. — Мама, у тебя пирог...

Она осеклась.

— Сергей, приятно познакомиться, — спокойно сказал мужчина.

— Не староваты вы для нее, Сергей? — с нехорошей усмешкой спросила Варвара.

Ульяна ахнула.

— Варя! Что ты!..

— Не обращай внимания, Сережа, моя сестра шутит...

— Я вовсе не шучу!

— Проходите, Сереженька, присаживайтесь! Вы, надеюсь, проголодались...

— Нет, мама, его жена накормила! — отрезала Варвара. — У вас есть жена, правда? Знаете, Кристина у нас специализируется на чужих — женихах, мужьях...

— О, господи... — Кристина закатила глаза.

— Варя, тебя куда-то не туда понесло, — упрекнул Григорий.

Но даже его вмешательство не помогло: Варвара закусила удила.

Не знаю, что подумал про наш зоопарк приятель Кристины. Ответить он не успел, потому что Люся выползла из кресла-качалки, как черепаха из своего панциря, и перевесилась через перила.

— Спасите нас от неловкости, молодой человек, — весело призвала она. — Сознайтесь, что вы смертельно голодны. Может быть, хоть тогда кто-нибудь вспомнит о подгорающем пироге!

Ульяна всплеснула руками и убежала.

Едва она исчезла, Варвара пришла в себя.

— Простите, Сергей! Я старшая сестра вашей красавицы, и меня иногда заносит. Слишком о ней забочусь, а ведь она уже взрослая!

Варвара притянула к себе Кристину и шутливо взъерошила ей волосы.

— С кем вы еще не знакомы? — В отсутствие Ульяны она мгновенно вошла в роль хозяйки дома, словно поймав на лету скинутое матерью пальто и одним движением накинув на плечи. — Илью уже знаете, так? Это его жена Татьяна. — Я ответственно помахала рукой, не делая попыток подойти к гостю. — Ева и Антон — их дети, вон они, прячутся за кустами. Ну и, наконец, наша прекрасная Людмила Васильевна!

— Ах, что за церемонии! Людмилой Васильевной я не была даже то недолгое время, что преподавала девочкам труд в начальной школе. Зовите меня Люсей.

Это правда. Никто не называет Людмилу Васильевну полным именем. Для всех она Люся — маленькая собачка, что до старости живет щенком, постепенно теряя подвижность, зрение, остроту реакции.

Сегодня у Люси плохой день. До перил она кое-как добрела, но навстречу Сергею шагнула с явным напряжением.

Я улавливаю это бессознательно. А вот то, что наш гость заметил ее состояние, стало для меня неожиданностью. Он как-то стремительно переместился и оказался возле нее. Бережно подержал в огромных ручищах крошечную птичью лапку, а затем ненавязчиво проводил Люсю на ее место.

Кресло он придвинул к обеденному столу с такой легкостью, будто это была игрушечная коляска с куколкой внутри. Люся тихо засмеялась от удовольствия.

За обедом присутствие этого человека стесняло нас всех. Даже дети притихли. Виктор Петрович под стук ложек поинтересовался, чем занимается новый приятель его младшей дочери.

— Гнойная хирургия, — кратко отозвался Сергей, и новых расспросов не последовало.

Никто не расспрашивает о специфике работы гнойного хирурга за обеденным столом.

Суп, салаты, плов и шашлыки... Еды всегда слишком много. Мы обжираемся, тяжелеем. Сонная одурь овладевает нами, вокруг нас вьются мухи, словно мы туши дохлых животных. Этот ритуал насильственного кормления всегда казался мне жутковатым. Но отказаться нельзя.

Нас откармливают, точно пленников людоеда. Ева с Антоном избежали этой участи лишь потому, что у них непереносимость лактозы. Кто бы мог подумать, что наступит день, когда я стану благодарить провидение за болячки моих детей.

— Семейные ритуалы надо ценить! — провозглашает Виктор Петрович. Он отвалился от пирога, положил руку на живот и чутко прислушивается, точно беременная женщина, ловящая толчки младенца. — Семья — самое ценное, что у нас есть!

— Правда, папа! — отзывается просиявшая Варвара и кладет руку на плечо своего будущего мужа.

— Все так, — кивает Григорий, — все так!

— Верно, Гриша! — вдохновенно поддерживает будущего зятя Ульяна.

Илья просто улыбается, молча соглашаясь.

Конечно, семья — самое ценное, что у нас есть. Разве наши воскресные обеды не доказывают это?

Я замечаю брошенный на меня вопросительный взгляд свекрови. Мой голос не прозвучал в общем хоре. Партия не была исполнена как должно.

— Плов потрясающий, — вдруг говорит наш гость. — И пирог тоже.

Мой промах милосердно забыт.

Ульяна действительно великолепно готовит. Вдохновенно, быстро, страстно. «Я вкладываю в еду всю себя», — патетично воскликнула она однажды, и мне стало понятно, отчего для нее так важно накормить всех нас, пусть даже насильно. Ульяна одаряет собою подданных ее маленького королевства. Никто не уйдет голодным.

Новый участник воскресной трапезы ест так, что она расцветает. Суп, плов, салат, пирог — видно, что все это достав-

ляет ему удовольствие. В то же время он не обжора. Не проглот, которому все равно, чем набивать свою утробу.

Слава богу, перед шашлыками — перерыв. Дикость, конечно: жареное мясо после пирога. Но сопротивляться бесполезно. Семейная традиция!

— Татьяна, а ты что молчишь сегодня весь день?

Если бы здесь не было нашего нового гостя, Ульяна добавила бы: «Опять тебе что-то не по нраву? Не угодили мы тебе, Татьяна Максимовна?» Давнее навязанное мне амплуа: женщина, которая вечно чем-то недовольна. Эта искра всегда годится для разжигания пламени. Моя свекровь большая любительница контролируемых пожаров. В прошлой жизни она была пироманом.

Но сегодня у меня есть страховка от скандалов. Страховка сидит наискось в черной футболке, под которой бугрятся мышцы. Время от времени я чувствую на себе взгляд исподлобья — такой быстрый, что мне ни разу не удалось его поймать. Когда я поднимаю глаза, бойфренд Кристины полностью поглощен пирогом.

— Задумалась что-то, Ульяна Степановна, — отвечаю я.

Виктор Петрович неодобрительно качает головой. Приличные люди без разрешения супруга не задумываются!

— По шашлычкам, а? — Он хлопает Гришу по плечу. — Красна дорога ездоками, а обед едоками!

За хлопотами вокруг шашлыков наш гость сблизился с Гришей. Я видела с веранды, как они перекидываются шуточками. Действовали слаженно, быстро распределив обязанности.

— Танюша, не принесешь плед? — попросила Люся.

Сегодня прекрасный день начала сентября. Он весь пронизан мягким теплом и светом.

— Конечно, Люся.

Когда я возвратилась с пледом, мне навстречу выбежал Антон, счастливый и немного испуганный.

— Мама, мама! Смотри, что дядя Сережа мне подарил!

В кулачке у него зажата фигурка из каучукового пластика. Это ярко-зеленый лягушонок с бугристой спинкой. Я виде-

ла подобные фигурки в «Леонардо» и помню, что стоили они недешево.

— Чудесный! Ты уверен, что это подарок?

Антоша торопливо закивал и спрятал руку за спину.

— Тебе нужно придумать ему имя. — Я поцеловала сына в лоб и пошла к Сергею.

Пять минут назад они с Гришей под яблонями обсуждали специфику маринада для шашлыков.

Во мне вдруг вскипел гнев. Бойфренд Кристины бездумно сунул игрушку моему сыну, чтобы чужой ребенок отвязался от него. Ему и в голову не пришло, что брат немедленно поделится своей радостью с сестрой, что девочка, оставшись без подарка, примется рыдать, а мне придется успокаивать ее и обещать, что мы купим игрушку и ей. И все равно Ева будет считать, что ее обделили! Черт возьми, мне постоянно приходится исправлять последствия слов и поступков за бабушкой с дедушкой! А теперь еще и этот осто-лоп туда же!

Пока я обходила дом, Гриша куда-то исчез. Под яблонями мы оказались вдвоем. Сергей откладывал шампуры с поджаренным мясом в сторону. Дразнящий запах распространился вокруг.

— Антон рассказал, что был в зоопарке, — непринужденно сказал Сергей. — Он так много знает о крокодилах! Жаль, у меня не нашлось крокодила.

— Вы всегда носите с собой в кармане игрушечных животных?

— Да, мне их...

Он едва заметно запнулся. Другие не обратили бы внимания на эту задержку перед ответом, но долгие годы в окружении семейства Харламовых приучили меня быть внимательной.

— ...мне их приятель дарит, — как-то скомканно закончил он.

Сейчас, вблизи, я увидела, что у него умный взгляд. И впервые обратила внимание, что говорит он без малейшей гнусавости, которая иногда прорывается у Григория. Не знаю, отчего я была уверена, что у него сиплый голос.

Меня охватила растерянность. Зачем я пришла?

К чему объяснять, что он обидел одного ребенка, наградив другого?

— А, чуть не забыл, — спохватился он. — Я дал Еве панду. Вы не против? Решил, так будет правильно. Антону — лягушка. Еве — панда.

Я уставилась на него.

— Какую панду?

— Малую красную, — очень серьезно сказал он.

Я молчала. Он выбил почву у меня из-под ног.

— Я... я не видела...

— Она убежала к бабушке. Татьяна, дайте вон то блюдо, пожалуйста. В принципе, шашлыки готовы, можно всех звать.

Еве, в отличие от Антона, не слишком интересны игрушки, ей важен сам факт подарка. Она сунула мне фигурку, бросила небрежно: «Мам, не потеряй» и убежала выпрашивать у Ильи планшет.

Красная малая панда оказалась сердитым рыжим зверьком, похожим на гибрид лисы и енота.

Шашлыки съедены. Посуда вымыта. Захмелевший Виктор Петрович бубнит:

— Всяк кулик свое болото хвалит! Получается, птица — и та с пониманием!.. А люди... Эх, люди... Измельчали. Никакого у них больше нет морального... права! Вот раньше! Раньше был порядок. Все знали, что главное, а что так. А сейчас... умных развелось, девать некуда...

Сначала отбыли Кристина с Сергеем. Наша очередь — за ними. Нельзя уезжать первыми, это позволено только младшей дочери.

— Мама, а когда дядя Сережа снова придет? — Антошка подкрался незаметно и подергал меня за рукав. — Ну когда, когда?

— Надо у Кристины спросить, — рассеянно сказала я.

Мне почему-то казалось, что этот человек больше никогда не появится.

К сожалению, я ошиблась.